

А. Г. ТИМОФЕЕВЪ,
ПРИВАТ-ДОЦЕНТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРВУРГСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

РѢЧИ

СТОРОНЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССЪ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С.-Петербургской тюрьмы.
1897.

RUS

PRINTED IN RUSSIA

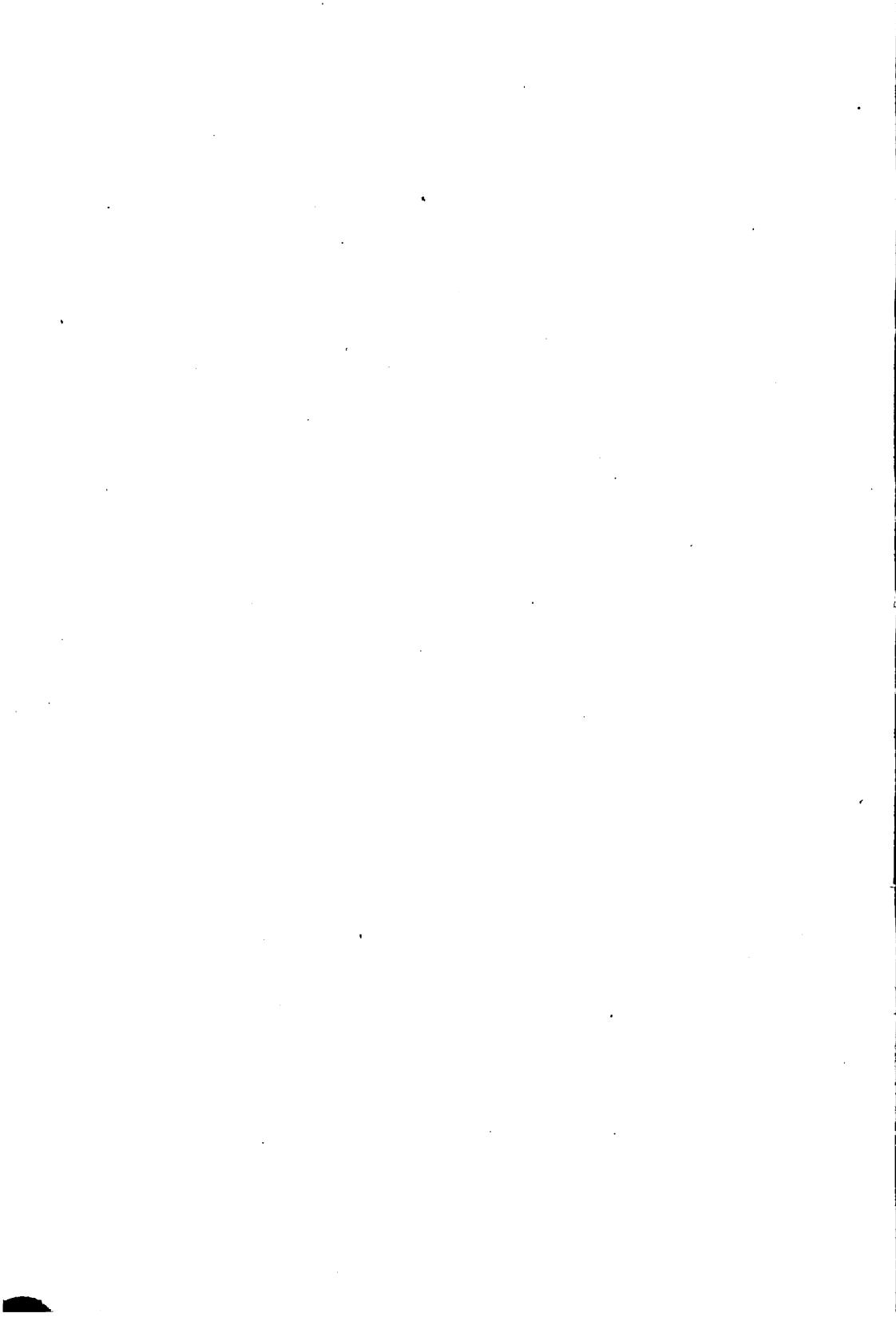
TIM

SEP 29 1931

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Открывая въ 1896 г. курсъ по судебному краснорѣчію („Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ“), я имѣстѣ съ тѣмъ началь вести практическія занятія по составленію судебныхъ рѣчей съ цѣлью дать студентамъ хотя бы нѣкоторую практическую подготовку къ ожидающей ихъ въ будущемъ дѣятельности. Весьма важнымъ условиемъ успѣшности практическихъ занятій является руководство по судебному краснорѣчію, въ которомъ можно было бы найти хотя наиболѣе общіе правила и пріемы техники ораторскаго искусства, дозволяющіе начинающимъ воспользоваться тѣмъ, что было выработано уже извѣстными ораторами. Опытъ такого руководства, имѣющаго въ виду намѣченную задачу, и представляетъ настоящій трудъ. Такъ какъ ораторское искусство каждого народа имѣть свой самостоятельный характеръ, то, составляя руководство, я и пользовался для иллюстраціи общихъ положеній почти исключительно рѣчами русскихъ судебныхъ ораторовъ, какъ наиболѣе полезнымъ материаломъ, подходящимъ къ условіямъ нашего судебнаго краснорѣчія.

А. Тимофеевъ.

В В Е Д Е Н И Е.

Судебное краснорѣчіе составляетъ отдѣлъ ораторскаго искусства, отличающійся нѣкоторыми техническими особенностями, обусловливаемыми требованіями судоговоренія; приемы составленія рѣчи и аргументаціи по существу одни и тѣ же какъ у судебнаго, такъ и у политическаго оратора, поэтому и, разсматривая вопросъ о судебнѣмъ краснорѣчіи, необходимо выходить изъ общихъ положеній, касающихся ораторскаго искусства, лишь приспособляя ихъ и выбирая наиболѣе удобное и цѣнное для судебнаго оратора.

Ораторское искусство, по общепринятому опредѣленію, есть искусство вызывать своей рѣчью въ другихъ (слушателяхъ) опредѣленное, желательное для говорящаго настроение или убѣжденіе, побудить ихъ къ тому или другому решенію, воздѣйствовать словомъ на разумъ, чувство и волю слушателей. Теорія ораторскаго искусства указываетъ способы и приемы составленія рѣчей, наиболѣе выгодные и удобные для оратора. Значеніе этого искусства безспорно. Слово одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ человѣка, и умѣніе владѣть и пользоваться имъ необходимо для судебнаго. Исторія краснорѣчія тѣсно связана съ общей исторіей цивилизаціи человѣчества, съ развитіемъ правосознанія и положеніемъ личности въ государствѣ. На Востокѣ, въ строгомъ смыслѣ слова, не существуетъ краснорѣчія: тамъ нѣтъ материала для свободнаго убѣжденія; восточная рѣчь изобилуетъ всевозможными стилистическими красотами и преувеличеніями, но лишена главного, что составляетъ сущность искусства,—силы и искренности.

Совершенно другое мы видимъ въ античномъ мірѣ, въ цвѣтущій періодъ аѳинской и римской республикъ. Тамъ судьба государства рѣшалась въ народныхъ собрaniяхъ,

силою убѣжденія, оружіемъ котораго является свободное слово. Судоговореніе совершалось въ тѣхъ же условіяхъ, оно происходило гласно передъ выборными судьями въ присутствіи массы слушателей, одушевлявшихъ и поддерживавшихъ оратора, и положеніе его и въ Римѣ и въ Греціи было высокимъ и почетнымъ: ораторъ по выраженію Цицерона (*De oratore I, 8*) покровительствуетъ слабымъ, спасаетъ невинныхъ, поддерживаетъ порядокъ въ государствѣ.

Наше время по условіямъ жизни въ современномъ правовомъ государствѣ приближается въ этомъ смыслѣ къ древне эллинскому и римскому миру. Съ каждымъ успѣхомъ цивилизациі, развитіемъ просвѣщенія, торжествомъ права надъ силой возрастаєтъ и престижъ слова, которое становится все болѣе и болѣе могучимъ орудіемъ для ипроведенія въ общественную и государственную жизнь тѣхъ или другихъ началь, для отстаиванія важнѣйшихъ, существеннѣйшихъ интересовъ общества и индивидуума. Свобода слова давно уже стала въ культурныхъ государствахъ однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ правъ гражданина; понятно поэтому и стремленіе къ занятію и упражненію въ ораторскомъ искусстве, ставшемъ по вѣрному замѣчанію одного изъ германскихъ писателей, Гильдебранта, теперь практическою необходимостью. „Въ наши дни, говорить Ажамъ, въ своей интересной работе (*La parole en public. Paris, 1895. стр. 173*), слово стало оборонительнымъ и наступательнымъ оружиемъ; нужно обучаться владѣть имъ, какъ шпагой“.

Но если ораторское искусство не должно быть чуждо въ настоящее время всякому человѣку, члену культурного общества, то тѣмъ болѣе оно необходимо для судебныхъ дѣятелей; если для судьи, только постановляющаго рѣшеніе, эта необходимость не такъ рѣзко бросается въ глаза, заслоняется другимъ требованіемъ—знанія юридической техники, то для прокурора или адвоката умѣніе говорить является условиемъ, безъ котораго ихъ дѣятельность почти теряетъ значеніе. Между тѣмъ въ настоящее время ораторская подготовка судебныхъ дѣятелей оставляетъ желать многаго, недаромъ известный австрійскій адвокатъ Фридманъ замѣ-

чаетъ, что молодые защитники не должны выступать въ судѣ безъ предварительной подготовки, такъ какъ имъ не достаетъ опыта, и этотъ недостатокъ долженъ быть возмѣщенъ обученіемъ: неподготовленного, хотя бы даже и способнаго оратора, на первыхъ шагахъ можетъ постигнуть неудача, которая повліяетъ на оцѣнку и отношеніе къ молодому адвокату въ будущемъ. Кромѣ того тѣ или другіе недостатки въ произнесеніи рѣчи, существующіе, конечно, у всѣхъ, даже у даровитыхъ ораторовъ, легче всего могутъ быть исправлены и устраниены сначала, такъ сказать, въ подготовительный періодъ, когда всего удобнѣе сознательная работа надъ собой, и когда эти недостатки не укоренились, не вошли въ привычку, съ которой уже трудно бороться. Наконецъ, противъ самовоспитанія въ ораторскомъ искусствѣ путемъ судебной дѣятельности, можно привести и тотъ практическій доводъ, что неподготовленный ораторъ долженъ приобрѣсти навыкъ на первыхъ ввѣренныхъ ему дѣлахъ, — они могутъ быть проиграны благодаря неумѣлости начинающаго, который такимъ образомъ будетъ приобрѣтать опытность въ ущербѣ ввѣреннымъ его охранѣ интересамъ. Конечно, желательно, чтобы подготовка ораторовъ покупалась не столь дорогой цѣной.

Все вышесказанное неизбѣжно приводить къ мысли о необходимости возможно широкаго ознакомленія съ принципами ораторскаго искусства. Противники этого мнѣнія, признавая значеніе хорошей рѣчи, отвергаютъ возможность обученія ораторскому искусству, утверждая, что умѣніе говорить — прирожденная способность, даръ боговъ, которымъ нужно пользоваться, но которому не зачѣмъ учиться. Рѣчь — естественная способность человѣка. Люди говорили рѣчи и защищали дѣла, когда обѣ ораторскомъ искусствѣ еще не было и помину. Это совершенно справедливо, но ничего не доказываетъ: напр. люди точно также строили и дома до возникновенія архитектуры, что, конечно, не свидѣтельствуетъ о безполезности послѣдней. Искусство помогаетъ природнымъ дарованіямъ, развиваетъ и совершенствуетъ ихъ. „Учить говорить природа, но и правиль-

созданныхъ людьми достаточно, чтобы образовать искусство". (Сицеро, о. с. I, 20).

Другіе, признавая теоретически важность обученія ораторскому искусству, говорять, что оно на практикѣ невозможнo и не достигаетъ цѣли. Основанія для этого возраженія созданы исторіей. Древніе полагали, что даръ слова подлежитъ развитію, техника ораторскаго искусства стояла у нихъ высоко, величайшіе ораторы античнаго міра Демосѳенъ и Цицеронъ были усердными учениками риторовъ. Положеніе измѣнилось впослѣдствіи. Обученіе ораторскому искусству въ силу историческихъ обстоятельствъ исчезновенія свободы слова, отсутствія общественной жизни и т. п., свелось къ внѣшности, къ составленію учебниковъ реторики, которую горячій противникъ систематического обученія ораторскому искусству de Baets справедливо называетъ „ребяческой", (L'art de plaider. стр. 9, 13). Она вся стала сводиться къ механическому заучиванію тропъ и фигуръ и т. п. за которымъ совершенно пропадало внутреннее содержаніе рѣчи. Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время преподаваніе краснорѣчія во многихъ странахъ. Не трудно видѣть, что такая реторика, наслѣдіе временъ упадка и невѣжества, имѣеть мало общаго съ ораторскимъ искусствомъ. Теорія послѣдняго не должна давать неизмѣнныхъ положеній для механическаго примѣненія ихъ въ томъ или другомъ случаѣ, оно можетъ быть только собраніемъ руководящихъ правилъ, указываемыхъ опытомъ и изученіемъ характера человѣка, оно указываетъ оратору дорогу, помогаетъ разбираться въ материалѣ, располагать его, учить пользоваться природными способностями и средствами наиболѣе выгоднымъ образомъ, но не подчиняетъ его узкимъ, обязательнымъ, шаблоннымъ формамъ, учить составлять рѣчь вообще, не рѣчь по данному дѣлу. Оно даетъ отправную точку, основаніе, которыя ораторъ долженъ развивать и совершенствовать самостоительно въ зависимости отъ его личныхъ дарованій. Здѣсь индивидуальность сохраняетъ вполнѣ свое значеніе. Правила ораторской техники, какъ и другихъ искусствъ, напр. живописи или архитектуры мѣняются

по эпохамъ и народамъ. Въ этой вѣчной работѣ движенія каждое правило или пріемъ являются только моментомъ, съ которымъ связывается дальнѣйшее развитіе.

Ораторское искусство, слѣдовательно, не создаетъ, а помогаетъ и поддерживаетъ. Странно было бы утверждать, что можно сдѣлать оратора изъ ясноязычного или не могущаго сколько нибудь связно выражать свои мысли человѣка, точно также нельзя выработать и самому лучшему учителю замѣчательнаго художника изъ человѣка, не имѣющаго абсолютно никакихъ способностей къ живописи. Но человѣкъ среднихъ способностей можетъ пріучиться говорить ясно и систематически излагать свои мысли. При одномъ и томъ же методѣ обученія одинъ можетъ выйти великимъ ораторомъ, другой посредственнымъ, точно также какъ изъ школы живописи можетъ выйти и великий художникъ и живописецъ вывѣсокъ. Несмотря на эти различія въ результатѣ, обученіе искусству и въ томъ и въ другомъ случаѣ необходимо, потому что безъ него нельзя написать ни порядочной вывѣски, ни замѣчательной картины.

Ораторъ долженъ владѣть вниманіемъ аудиторіи, для этого нужно не только умѣніе хорошо говорить, но и способность сдѣлать рѣчь содержательной и интересной, послѣднее достигается образованіемъ оратора, на которое обращали большое вниманіе еще древніе. Квинтиліанъ, напр., начинаетъ изложеніе правилъ воспитанія оратора съ младенчества. Древніе ораторы ознакомлялись по возможности со всѣми извѣстными тогда науками, особенно философіей и исторіей. Цицеронъ требуетъ отъ оратора обширныхъ познаній, такъ какъ иначе его рѣчь будетъ смѣшной и пустой болтовней. И въ настоящее время отъ оратора требуется значительная подготовка. Авторъ обширнаго руководства судебнаго краснорѣчія, Ортловъ считаетъ необходимымъ для оратора, кроме знанія юридическихъ наукъ, знакомство съ общественными науками, философіей и съ изученіемъ преступности съ антропологической и статистической точки зрѣнія, такимъ образомъ очерчивается довольно широкій кругъ различныхъ знаній, но едва ли такое обра-

зование можно счесть достаточнымъ для оратора. Современная наука стремится къ чрезмѣрной специализаціи, при которой теряется общее, человѣкъ замыкается въ узкую область своей специальности, его умственные горизонты ограничиваются, и виѣ избранныхъ имъ болѣе или менѣе частныхъ вопросовъ онъ не можетъ работать; понятно, что при такихъ условіяхъ совершенно забывается, что разработка всякаго частнаго вопроса имѣеть значеніе, если онъ не теряетъ связи съ общими задачами науки. „Для юриста мало чтенія специальныхъ книгъ; это довольствуется специальностью становится своего рода маньякомъ“. (De Baets. *L'art de plaider.* стр. 40).

Въ современномъ уголовномъ процессѣ ораторъ не только юристъ, задача котораго заключается въ толкованіи той или другой статьи кодекса или въ подведеніи подъ нее какого либо обстоятельства даннаго дѣла. Работа его гораздо шире и труднѣе: передъ судомъ является не одно дѣяніе, но и личность преступника, и часто безспорность событія преступленія, его фактической стороны, еще не предрѣшаетъ исхода дѣла. Защитникъ и прокуроръ, каждый съ своей точки зреянія, должны нерѣдко дѣлать сложныя психологическія характеристики, возсоздать предъ судьями ту или другую личность со всѣми особенностями ея характера и дѣятельности; иногда въ процессѣ оказывается необходимъ затронуть теченіе общественной мысли, воспользоваться настроениемъ, господствующимъ въ обществѣ въ данный моментъ,—чтобы быть въ состояніи сдѣлать все это мало знанія подлежащихъ статей закона и кассационныхъ решений, только посредствомъ ихъ трудно завладѣть вниманіемъ и симпатіей присяжныхъ.

Широкое общее образованіе составляетъ, следовательно, залогъ успѣха какъ оратора вообще, такъ и судебнаго оратора въ частности. И несомнѣнно, что оно возможно на ряду съ достаточнымъ изученіемъ специальныхъ предметовъ,—все зависитъ отъ количества и качества затрачиваемаго на занятія труда и правильного отношенія къ требованіямъ, предъявляемымъ специализацией. Общее образова-

ніє не есть условіе, ставимое теоретиками ораторскаго искусства, являющеся плодомъ кабинетныхъ размышеній, на-противъ оно—результатъ опыта и практики, оттуда уже перешедшее въ теорію. Приведемъ въ подтверждение этой мысли мнѣнія двухъ практиковъ: бельгійскаго адвоката de Baets'a и извѣстнаго русскаго судебнаго оратора А. О. Кони. „Нужно читать много, говорить de Baets, пользоваться вся-кимъ случаемъ, не пропускать никакой статьи“ (о. с. стр. 41—43). Еще опредѣленнѣе выдвигаетъ это положеніе А. О. Кони. „Широкое и глубокое образованіе, знакомство съ исторіей искусства и литературы необходимо для человѣка, посвятившаго себя служенію правосудія. Только благодаря имъ можно не опасаться обратить своего служенія въ ре-месло.“ (А. О. Кони. За послѣдніе годы. Соб. 1896 г. стр. 417—418). Что такія требованія относительно образованія не являются невозможными и неисполнимыми, о томъ ясно свидѣтельствуетъ исторія ораторскаго искусства, которая гово-ритъ намъ, что замѣчательные ораторы были въ то же время образованными людьми въ лучшемъ смыслѣ этого слова, не узкими специалистами.

На ряду съ образованіемъ слѣдуетъ поставить и нрав-ственныя качества оратора, на которыхъ обращалъ большое вниманіе великий ораторъ-практикъ Цицеронъ, говорящій, что нравственная жизнь и дѣйствія оратора имѣютъ немало-важное значеніе, служать хорошимъ средствомъ вызвать расположение судей или слушателей. Ораторъ, справедливо утверждаетъ Аристотель, долженъ казаться разумнымъ и добросовѣстнымъ, тогда его слова будутъ встрѣчены съ до-вѣремъ. То же самое, конечно, должно сказать и о совре-менныхъ ораторахъ, если они не хотятъ, чтобы ихъ слова были „мѣдь звенища и кимвалъ бряцающій.“

Цѣль рѣчи произвести впечатлѣніе, увлечь слушателей, завладѣть ихъ вниманіемъ и симпатіей. Для этого ораторское искусство устанавливаетъ правила какъ по существу, такъ и по формѣ рѣчи, но оно бессильно, если ораторъ не въ состояніи дать благодаря своимъ знаніямъ дѣйствительно интереснаго содержанія рѣчи, и если его слова не представ-

ляются для слушателей результатомъ искренняго, глубокаго убѣженія. Должно казаться, что ораторъ самъ сжился съ тѣми чувствами и настроеніями, которыя онъ хочетъ видѣть у слушателей, должно казаться, что онъ не отдѣлимъ отъ произносимой имъ рѣчи, самостоятельная личность оратора должна по возможности стущевываться за тѣми мыслями, которыя онъ проводить. Оратору приходится обыкновенно во всякомъ дѣлѣ отстаивать, защищать, обвинять, нападать во имя высшихъ началь человѣческаго духа и нравственности, и естественно, что фразы о долгѣ, справедливости, истинѣ, негодованіе на пороки, защита справедливости много потеряютъ въ убѣдительности и силѣ, если слушатели будутъ невысокаго мнѣнія о нравственныхъ свойствахъ оратора: предположеніе объ искренности его убѣженій неминуемо исчезнетъ, аудиторія будетъ относиться недовѣрчиво и критически къ его словамъ, а это, конечно, не можетъ не отразиться на впечатлѣніи, производимомъ рѣчью. Старые учителя краснорѣчія, напр. Квентиліанъ, позволяли себѣ иногда входить въ подробное обсужденіе вопроса о нравственности оратора, о возможности для него, напр., безъ вреда для репутаціи дѣлать ложныя утвержденія и т. п.; установленіе такихъ правилъ нравственного поведенія едва ли возможно, да въ нихъ и неѣтъ нужды. Каждый самъ въ своей жизни и дѣятельности долженъ сообразоваться съ существующими принципами морали, и если онъ не въ состояніи ориентироваться въ наиболѣе рѣзкихъ случаяхъ (о которыхъ можетъ идти рѣчь съ вышеразсмотрѣнной точки зрѣнія), то ему не помогутъ правила и теоретическая разсужденія. Ораторскому искусству неѣтъ надобности заходить въ чуждны області: достаточно установить, что ораторъ долженъ быть образованнымъ и честнымъ человѣкомъ, нравственно авторитетнымъ для аудиторіи. Эти требованія съ особой рельефностью поддерживаются законоположеніями о судебнѣй службѣ, для которой необходимъ весьма высокій нравственный и образовательный цензъ.

Ограничиваюсь приведенными выше общими замѣчаніями о предварительной работѣ оратора, я перехожу теперь къ системѣ курса и обзору литературы.

Цѣль настоящаго руководства дать правила и примѣры составленія обвинительныхъ и защитительныхъ рѣчей въ уголовномъ процессѣ. Сначала въ немъ будутъ изложены правила подготовки судебнай рѣчи по содержанію и по формѣ, затѣмъ—разсмотрѣны болѣе специальные вопросы о такъ называемыхъ частяхъ рѣчи и наконецъ, будутъ сдѣланы необходимые общіе выводы.

Что касается до литературы ораторскаго искусства, то она представляетъ значительное развитіе въ западной Европѣ, гдѣ реторика составляетъ предметъ преподаванія. Согласно съ характеромъ моей книги, какъ учебнаго руководства, я укажу только на сочиненія, болѣе интересныя и важныя съ учебной точки зренія.

Изъ классическихъ писателей до сихъ поръ еще заслуживаютъ полнаго вниманія труды Аристотеля (*Реторика*) и Квинтиліана (*De institutione oratoria*. Наставленія оратору, 12 книгъ), имѣющіеся и въ русскомъ переводѣ. Но на первомъ мѣстѣ все-таки слѣдуетъ поставить труды Цицерона (*De oratore*), въ которыхъ и современные ораторы могутъ почерпнуть много цѣнныхъ практическихъ указаний. Изъ литературы XVIII в. можно упомянуть трактатъ Фенелона (*DIALOGUES SUR L'ÉLOQUENCE. З діалога*), дающій общія правила ораторскаго искусства, основанныя на изученіи античныхъ авторовъ.

Въ XIX вѣкѣ литература болѣе специализируется: на ряду съ общими работами появляются специальная по судебному краснорѣчію, которое въ прежнихъ сочиненіяхъ разсматривалось обыкновенно вмѣстѣ съ другими; къ этимъ специальнымъ работамъ я и перейду, отмѣтивъ нѣсколько хорошихъ работъ общаго характера, знакомство съ которыми полезно для судебнаго оратора. Къ числу ихъ относится работа Дублинскаго архіепікона *Whately*, имѣющаяся въ хорошемъ нѣмецкомъ переводе Гильдебранта. (*Whately's Grundlagen der Rhetorik. Gotta, 1884*), *Ajam. La parole en public. Paris. 1895. Paignon. Eloquence et improvisation. Paris 1846, 2 изд. 1888. De Baets. L'art de plaider. Gand.* Извъ специальной нѣмецкой литературы по судебному краснорѣчію должно отмѣтить: *Schall u Boger. Vorschule der gerichtlichen Be-*

rendsamkeit für Rechtsanwälte. Hall и Leipzig 1855. Frydmann M. Systematisches Handbuch der Vertheidigung im Strafverfahren. Wien. 1878 Ortloff H. Die gerichtliche Redekunst. Bln. 1890.

Оба послѣднія сочиненія весьма обширные и полные трактаты, обращающіе вниманіе на теорію доказательствъ и особенности германскаго процессуальнаго законодательства.

Французская литература представляетъ интересъ главнымъ образомъ по собраніямъ рѣчей известныхъ адвокатовъ и историческимъ работамъ по краснорѣчію. Изъ нихъ слѣдуетъ указать: *Munier Jolain. Les époques d'éloquence judiciaire en France. Gaudry. Histoire du barreau de Paris. Le Berquier. Le barreau fran ais moderne. Paris. Clair et Clappier. Barreau fran ais ancien. Paris. Berryer A. Le ons et modèles d'éloquence judiciaire. Paris.*

Изъ собраній рѣчей судебныхъ ораторовъ XIX в. наиболѣе цѣнными представляются рѣчи *Berryer, Chaix d'Est Ange, Dupin, Jules Favre, Lachaud.*

Въ русской литературѣ изъ работъ теоретического характера заслуживаетъ вниманія этюдъ *A. Левенстима. Рѣчь государственного обвинителя въ уголовномъ судѣ. Спб. 1894.*

Затѣмъ идутъ сборники рѣчей и собранія сочиненій: *Русские судебные ораторы въ известныхъ уголовныхъ процессахъ. Спб. 1895. Лаховецкій, Л. Характеристика известныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ съ приложеніемъ избранной рѣчи каждого изъ нихъ. Спб 1897. Оба изданія могутъ быть рекомендованы, какъ полезное пособіе для ознакомленія съ русскими судебными ораторами. Глинскій, Б. Русские судебные ораторы. Спб. 1897. Шмаковъ, А. Судебные ораторы во Франціи. Избранныя рѣчи. Москва. 1888. Андреевскій, С. А. Защитительныя рѣчи. 2 изд. Спб. 1891. Владимировъ, Л. Е. Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи. М. 1892. Кони, А. О. 1) Судебныя рѣчи 1868—88 Спб. 1888 и 2 изд. 2) За послѣдніе годы. Спб. 1896. Спассовичъ, В. Д. Сочиненія т. V, VI, VII, Спб. 1894 Хартумари. Итоги прошлаго. 1866—1891. Спб. 1891.*

ГЛАВА I.

Подготовка содержания и формы речи.

А. Содержание речи.

Первый шагъ, который долженъ сдѣлать приступающей къ составленію речи, это основательное изученіе ея предмета: для судебнаго оратора—обстоятельствъ дѣла и всего что имѣеть къ нему отношеніе. Важное условіе успѣха заключается во всестороннемъ знаніи, не должно упускать даже мелкихъ подробностей, такъ какъ нельзя до судебнаго слѣдствія и рѣчи противника предвидѣть, что приобрѣтетъ особенно значеніе, нужно имѣть въ виду всевозможныя комбинаціи и случайности. Полезныя практическія указанія по этому вопросу даетъ Цицеронъ (о. с. II 24, 27), такъ описывающій свой способъ первоначальнаго ознакомленія съ дѣломъ; „я говорю съ клиентомъ наединѣ, представляю все возраженія, которыя могъ бы сдѣлать противникъ, узнаю все полезное для дѣла. Когда клиентъ уходитъ, я становлюсь поочередно на мѣсто судей, противника, клиента; беспристрастно разбираю доказательства, выдвигаю благопріятныя, опредѣляю узель дѣла и устанавливаю затѣмъ наиболѣшій способъ борьбы.“

Въ настоящее время эти правила нуждаются въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ. Конечно, личные переговоры съ клиентомъ, выясненіе имъ обстоятельствъ дѣла необходимы, такъ какъ личность подсудимаго имѣеть значеніе какъ для прокурора, такъ и для защитника: личныя свойства, впечатлѣніе производимое имъ на судей служатъ весьма важнымъ элементомъ обвиненій или защиты. Но не слѣдуетъ забывать, что